

Я — это Другой.
Артюр Рембо

Часть I

Лив

Олесунн¹

Среда, 16 июля 2003 года

В первый раз тело его поразило меня. Словно оживший серый гранит и в то же время — мягкая наждачная бумага. Шершавое и гладкое. Тяжелое и легкое. Сперва я поразилась, насколько он теплый, а ведь полагала, что окажется насквозь ледяным. Или мне до этой самой минуты не хотелось верить, что он живой. Лишь намного позже я уяснила: он отдает не собственное тепло, а чужое — то, что впитал сам.

Он свернулся у меня на руках — метр длиной, и все равно пока кроха. Приподняв голову, уперся мне в руку и обратил на меня взгляд. Возможно, пытался понять, что я за существо. Добыча я или враг. Раздвоенный язычок чуть подрагивал, тело медленно двинулось вверх по груди, к горлу. Там он замер, завис в воздухе, уставившись в меня каменно-мертвыми глазами. Я заглянула ему прямо в узенький зрачок — немигающий, неизменный. Взаимопонимание между нами невозможно, и тем не менее он как будто старался установить со мной связь.

В нем присутствовало нечто невесомое. Способность удерживать в воздухе такую крупную часть тела — при всей видимой легкости. Казалось, пожелай он — и, отвергнув все земное, переместится в невесомость. Даже

¹ Олесунн — город на западном побережье Норвегии.

мысль о том, что живое существо настолько владеет собственным телом, не укладывалась у меня в голове. Она будто толкала меня в пропасть. Я вытянула руку, и он свесился с нее, как с ветки, всматриваясь мне в лицо.

— Ты ему понравилась, — сказала женщина, по-американски выговаривая «р» и «л». Она проводила меня обратно на прохладный чердак, где в клетках вдоль стен сидела всяческая живность. В голосе моей собеседницы звучала искренняя радость. — Он, похоже, тебе тоже нравится?

Нравится? Нет, это слово недостаточно емкое. Нравится — это про клевою куртку. А тут дело совсем другое.

— Можно поддержать?

— А мне когда поддержать можно будет?

Из-за моей спины высунулись Ингвар и Эгиль. Я про них едва не забыла. Ингвар, бородатый брюнет с длинными, как у меня, волосами, был на пару лет старше блондинистого Эгиля в белой рубашке, однако выглядели эти двое как подростки-близнецы. Они вполне могли бы сказать «нравится». Им змея нравилась, как нравится определенная музыка, или сорт пива, или что там еще. А вот сама-то я что испытывала? Материнское тепло, влюбленность? Внутреннюю связь, несмотря на принадлежность к разным биологическим видам? Посмотрев в маленькие глаза, такие непохожие на мои собственные, я решила, будто вижу в них доверие — или понимание.

* * *

Эта идея родилась у нас относительно недавно. Тогда, в пять утра, в самой крутой цокольной квартире Олесунна, где круглосуточно плавился в лавовой лампе

красный парафин, висела густая пелена сигаретного дыма. В гостиной, где всего пару часов ранее было не протолкнуться, нас осталось всего несколько человек. Мы тоже почти выдохлись, но не совсем. Буйная радость давно стихла, в комнате сладковато пахло табаком; Ингвар, развалившись в кресле, наигрывал на гитаре всякие старые рок-хиты. Даже Эгиль, весь вечер ставивший на полную громкость «50 Сент» и «АутКаст», спустил подвернутые рукава рубахи и уселся на пол, обняв какую-то девушку — похоже, свою однокурсницу с факультета бизнес-аналитики.

Сама я выкурила хороший косяк, который мне забил Ингвар, меня пробрало, и я ушла в себя. Лежала на диване и разглядывала потолок — тот, казалось, поднимается и опускается, словно умеет дышать. Я собиралась лежать вот так, пока не усну, слившись в едином ритме с потолком, когда откуда ни возьмись рядом возник какой-то чувак. Он куда-то выходил, но потом вернулся — это был знакомый Ингвара или Эгиля; кто именно, мне было плевать. Впоследствии лицо его тоже забылось; я запомнила лишь, как он сидел на полу возле моего дивана и все пытался разговорить меня, однако в тот момент меня занимал только потолок. Сделав несколько не увенчавшихся успехом попыток, парень встал и пересел еще к кому-то.

Я уснула — или наконец мы с потолком объединились, — но потом очнулась. Из сна меня вырвал крик Ингвара. Девушка, с которой Эгиль до этого сидел в обнимку, теперь лежала у него за спиной, прикрыв рукой глаза. Сам Эгиль не сводил взгляда с телевизора. На экране показывали джунгли: какой-то мужчина, стоя по пояс в грязи, вытаскивал что-то из воды. Это оказалась змея с блестящей коричнево-черной кожей. Тол-

щиной змея была с аллигатора, но намного длиннее. Мужчина все тянул ее, а змея никак не заканчивалась. Нет, все-таки кожа у нее была коричневая, черная и желтая. «Великий питон! — выкрикнул мужчина, а змеиное тело становилось все толще и плотнее. — Огромная змея! Вот, это у него голова!» Тут питон разинул пасть и разъяренно кинулся на мужчину. Тот отшатнулся и со сдавленным криком отступил. Змея последовала за ним.

Я сглотнула. Эгиль нервно хохотнул и выругался, но будто где-то далеко: сердце у меня колотилось так, что заглушало почти всё. Стены в гостиной дрожали от ударов моего сердца. Щеки горели, ладони вспотели. Прежде я еще никогда не ощущала так близко свое собственное тело. Никогда — так отчетливо. Мягкие движения змеи, спрятанная под гладкой кожей сила околдовывали меня. Я была не в силах отвести взгляд от экрана, где мужчина достал из-за кустов фотоаппарат и принялся фотографировать огромную змею. «Всего пару кадров». Австралийский акцент, быстрые движения. Мы со змеей почти одновременно вытянули шею и распахнули глубокую пасть с маленькими зубами, почти не отделимыми друг от дружки. Мягкую глотку и зависший в воздухе язык. А потом мы с ним бросились вперед. Гостиная наполнилась криками ужаса и восторга, а мы с питоном вонзили зубы в толстую волосатую руку.

— Я думал, что умру, — сказал австралиец, — думал, он добрался до меня. — Он сидел на раскладном стульчике, а за спиной у него виднелась палатка. — Это ему раз плюнуть. Хорошо, что он нижней челюстью зацепился мне за штаны — иначе кранты.

На экране снова появилось видео, где змея кусает мужчину, а потом еще раз, но в ускоренном темпе.

Мягкая розовая пасть опять и опять мелькала передо мной, сперва быстро, потом медленно, и я видела, как бледно-розовый язык уперся в ткань и как змея наконец обмякла. Я представила, каково это — дотронуться до ее языка. Закрыла рот. И сглотнула.

— Я знаю, где добыть такого, — заговорил вдруг этот незнакомый, непонятно откуда взявшийся чувак. — Ну, ясное дело, не такого здоровенного, как этот, но маленьких кое-где продают. Детенышей.

Сейчас, вспоминая все это, я стараюсь припомнить, как он выглядел, но перед глазами встает лишь голова — ни глаз, ни носа, ни рта. Однако я помню, что на несколько секунд в гостиной повисла тишина. Эгиль повернулся и широко улыбнулся мне. Я попыталась улыбнуться в ответ, но чересчур разволновалась и боялась, что он заметит, как сбивается у меня дыхание, как горят щеки и как я сглатываю. Я медленно кивнула. Эгиль обернулся к Ингвару — губы у того растянулись в похожей улыбке. Тот тоже кивнул. Вот так мы всё и решили. Заведем змею.

Присутствующие вновь пробудились к жизни, в комнате зазвучали голоса и смех. Этот незнакомый парень вытащил серебристый цифровой фотоаппарат и сфотографировал нас. Я, Ингвар, Эгиль, девушка и парень — все мы перед экраном, на котором застыло изображение шестиметрового питона.

* * *

Наш новый член семьи был тигровым питоном всего-то метр длиной. По-прежнему ребенок. Однако это существо совершенно меня околдовало. У меня было такое чувство, будто я зависла над пропастью, и от этого мне удивительно хорошо. Прежде чем пере-

дать его в чужие руки, я поднесла питона к лицу и прошептала:

— Я заберу тебя домой.

Наверное, мне почудилось, однако питон кивнул.

Мариам

Кристиансунн

Пятница, 18 августа 2017 года

— Мама, можно мне журнал?

Ибен держала в руках блестящий журнал с комиксами. Фигура на обложке представляла собой соблазнительную девушку-зомби с блестящими, картинно надутыми губами. Обычно по магазинам с Ибен я отправляю Тура. Самой мне нравится делать покупки в одиночку. Однако сегодня мы с Ибен проводим день вдвоем — это была моя идея. В понедельник ей в школу, и мне захотелось самой купить нашей семикласснице новую одежду и всякую всячину для школы. Захотелось остаться с ней наедине, чтобы мы опять сблизились. В последнее время отношения у нас не ахти — чем она взрослее, тем дальше от меня.

Мы уже почти три часа бродили по торговому центру «Стуркайя». Ибен выбрала себе наряд: обтягивающие брюки и кружевную блузку с пуговицей на шее, розовые туфли и того же цвета худи, которые она тут же и надела. Мы вертелись перед зеркалами, фотографировались и шутили — даже нашли желтый свитер ее размера, похожий на мой кашемировый свитер, и отправили снимок Туру. Она так похожа на меня в ее возрасте! Порой мне даже не по себе оттого, что мы с ней так похожи, но сегодня я обрадовалась. После магазинов мы уселись в кафе и взяли по мороженому. Я задавала

ей неопасные вопросы, а она отвечала. Мы поболтали о лошадях. Одна подружка Ибен занимается верховой ездой, и Ибен тоже хочется. Я пообещала поговорить с Туром, вот только Ибен тотчас же заулыбалась так, будто я ей уже разрешила.

Ибен — красотка: светлые кудри падают на глаза, носик узкий и губы тоже. Уродливая героиня комикса — ее полная противоположность. Ибен скорчила умильную рожицу, явно пытаясь очаровать меня. На Тура это действует — тот вообще очень часто повинуется зову сердца, — однако по отношению ко мне такая тактика обречена. Я чувствую себя обманутой. Одинадцать лет я заботилась о ней, следила, чтобы она не поранилась, не упала с дивана, не подавилась, не проглотила кубик «Лего». Утешала ее, когда она плакала, когда болела. Но Ибен на все это плевать. Ей главное, чтобы подарки дарили и всё разрешали.

Я взяла журнал у нее из рук. На несколько секунд Ибен задержала на мне взгляд; и в ее темных глазах по-прежнему горело: «Дай, дай, дай». Я пролиستала пару страниц. Девушки-зомби с огромными накрашенными глазами занимаются своими повседневными делами, ходят в школу, красятся. Тот, кто нарисовал эти картинки, знает, как извлечь выгоду из любви девчонок ко всему блестящему.

— И чему это тебя научит?

Ибен опустила взгляд. Ковырнула пол новой туфелькой.

— Ибен. Чему это тебя научит?

— Не знаю, — прошептала она.

— Мне кажется, тут вообще ничего путного нет. Оно тебе вообще зачем?

По-прежнему глядя в пол, она дернула вместо ответа плечом.

— У них шея толще бедер, — продолжала я.

Я сунула журнал ей в руки, встала у нее за спиной и открыла первую страницу.

— Смотри. Никакой истории. Текста почти нет, только картинки. Весь журнал — уродливые картинки накрашенных девушек. Тебе это зачем, Ибен?

Она покачала головой. Попробовала вырваться, но я ее удержала. И перелистнула страницу.

— Смотри, — я опять перевернула страницу, — видишь? Десять страниц, и все еще никакого рассказа. Журнал ни о чем.

Я и сама слышала, что говорю чересчур строго, но нельзя же позволять дочери опускаться до такой безвкусицы. В следующий раз она и сама задумается. Ибен снова попробовала вывернуться, однако я сдавила ее локтями. Не сводя глаз с новых туфель, она разжала пальцы, так что теперь журнал держала только я, и ее руку — тоже. Ибен ойкнула и дернула рукой. Я перегнула палку.

— Прости, я не хотела. Просто мне не хочется, чтобы ты читала всякую дрянь, от которой только тупеешь. Найди что-нибудь получше — и я тебе это куплю.

Ибен выхватила у меня из рук журнал и, вжав голову в плечи, бросилась к полке. И тут у меня зазвонил телефон. Я порылась в сумке и вытащила сперва мобильник Ибен — у нее карманы неглубокие, поэтому она отдала телефон мне. Порывшись еще, отыскала и свой собственный. Звонил один из бухгалтеров. Наверное, хочет назначить встречу, чтобы нанять еще секретарей. В июне «Наше здоровье» выиграло тендер, и в журнале «Время зовет» напечатали нашу фотографию, где мы с марципановым тортом и бутылкой шампанского. Мы планировали все лето — и теперь готовы были приступить к работе. Однако сегодня моя

дочь важнее работы, я обещала. Поэтому на звонок отвечать не стала.

Возле полки с журналами Ибен не оказалось. Я взяла другой журнал с комиксами, на вид попримечнее, и сборник кроссвордов. Еще раз посмотрела напоследок на девушек-зомби. Поговорю с ней сегодня вечером.

Возле кассы Ибен не было. И около полок с конфетами. И перед магазином. Я переложила покупки на ленту, потянулась за телефоном, чтобы позвонить ей, но вспомнила, что ее мобильник у меня. Таким маленьким девочкам сумочки не полагаются, но, видно, придется ей все же купить. Расплатившись, я спросила было кассира, не видел ли он одиннадцатилетнюю девочку, однако с таким же успехом могла бы спросить и сам кассовый аппарат. Покупки я разложила по пакетам, а тележку выкатила на улицу, где остановилась между двумя магазинами и огляделась. Ибен нигде не было, и я зашагала к парковке, с силой толкая перед собой тележку и чувствуя, как терпение меня покидает. Я стиснула зубы и двинулась к машине.

Возле паркомата Ибен я не обнаружила, и рядом с машиной тоже. Я озиралась по сторонам, но увидела лишь несколько машин, и ни единой девочки. Пора мне забегать по парковке, позвать охранников и попросить их дать в громкоговоритель объявление. И испугаться, что кто-нибудь ее увел. Ей только этого и надо. Нет, ничего у нее не получится, я в такие игры не играю. Я принялась складывать продукты в багажник, с нарастающей злостью швыряя пакеты — похоже, несколько яиц разбилось, хорошо бы они вытекли прямо на журналы Ибен! Пустую тележку я оттолкнула так, что она со звоном ударилась о стену и перевернулась. Когда я уселась в машину, колесики у тележки по-прежнему крутились. Мое пальто

за четыре тысячи крон зажало дверцей, я дернула его, и ткань затрещала.

Я завела машину. Бегаёт Ибен быстро, поэтому минут через десять уже будет дома. А я за ней бегать не стану. Ну вот, еще немного, и на дорогу сверну... А захочу — так и вообще уеду отсюда. И прощай, семейная жизнь.

Лив

Олесунн

Суббота, 23 августа 2003 года

Натянув на голову капюшон, он, ссутулившись, шагал вперед. Этот свитер я узнала издали — в серо-зеленую полоску, застиранный и поношенный. Мы подошли совсем близко, и я разглядела, как от дождевых капель на свитере расплываются пятнышки. Потом он поднял голову, я заглянула ему прямо в голубые глаза, и он улыбнулся — правда, лицо у него такое прыщавое, что тут никакая улыбка не поможет. Верхняя губа у него, как обычно, оттопырилась из-за снюса¹, и если его не знать, можно предположить, что у него всегда такое лицо. Ему, наверное, уже исполнилось двадцать восемь.

Патрик помахал мне рукой, и меня накрыла тошнота. Я отвернулась, опустила голову и юркнула в первый подвернувшийся магазин, ювелирный. И, едва оказавшись внутри, пожалела. Отступить не получится — здесь меня ждал тупик. Я подошла к стеллажу с украшениями, когда над дверью за моей спиной звякнул колокольчик: Патрик вошел в магазин следом за мной.

Первые воспоминания были радостными. Вот мы смеемся, он кружит меня по комнате, и мы оба падаем

¹ Снюс — разновидность жевательного табака.

на пол. Вот он отрезает ломтики ветчины и сыра, подносит их к лицу и корчит мне рожи. Мои дошкольные воспоминания, когда та, кто назвала себя моей матерью, еще не стала пропадать по несколько месяцев неизвестно где. Воспоминания эти словно были завернуты в вату, а может, это моя голова превращалась от них в вату...

На смену радостным воспоминаниям пришли картинки из нашей повседневной жизни. О том, как Патрик не в силах был проснуться вовремя. Темноту в нашей комнате без окон прорезало жужжанье радио и безжизненный голос диктора. Радио жужжало до тех пор, пока Патрик не выдергивал шнур из розетки. Встав, я принималась трясти Патрика за плечо, а он отмахивался от меня. После я делала бутерброд, выпивала стакан шоколадного молока и шла в школу. Вечером, когда я возвращалась, Патрик лежал на диване, или гулял где-нибудь, или поджаривал для нас на кухне тосты с сыром. Дни превращались в один бесконечный день, а то, что мы делали или чего не делали, составляло нашу жизнь. Сопение Патрика, когда он щекотал меня, вечно работающий телевизор, а на разделочном столе — стаканы из-под молока и миски с присохшими ко дну остатками каши. Оставшиеся после Патрика ошметки зубной пасты на раковине, которые я размазывала пальцем. Нас все реже было трое и все чаще — двое.

Самые жуткие воспоминания пришли последними. Я замерла перед стеллажом с золотыми украшениями, и Патрик приблизился ко мне настолько, что я ощутила его запах. Воспоминания эти совершенно невыносимые, и мне хотелось лишь, чтобы он ушел и они отступили. Я смотрела на украшения, хотя они все равно были мне не по карману. Сама я ношу одно-единственное украшение — позолоченный ключик на цепочке. Я видела,

как его отражение поблескивает в стекле стеллажа, и видела, как Патрик поднял руку и дотронулся до моего ключика.

— Что, Сара, тебе тоже повесили ключ на шею и отправили гулять?

Меня точно током ударило. Я стяхнула его руку.

— Ну ты чего, Сара, — удивился он.

Я задержала на миг дыхание, стараясь унять тошноту.

— Меня зовут Лив, — сказала я, — а вас я не знаю.

Руе

Кристиансунн

Пятница, 18 августа 2017 года

Часы на мониторе показывали почти двенадцать. Я каждые четыре минуты смотрел на них, время от времени поглядывая в окно, где к причалу возвращался городской катер. Ветер швырял в стекло мелкие дождевые капельки. Когда я сюда приехал, вид на море приводил меня в восторг. Сейчас, глядя в окно, я думаю лишь, что Кристиансунн такой же унылый, как Олесунн, но вид из окна у меня лучше.

Я давно уже закончил протокол допроса девушки, сообщившей, что ее изнасиловали во сне, и теперь выверял формулировки. Разумеется, можно было бы пойти со всеми остальными на обед, а потом угоститься тортом, который испек наш датчанин, чтобы загладить очередной свой косяк. В бытность мою новичком мне такие торты нравились. И когда я явился на собеседование как соискатель этой должности в Кристиансунне, то притворился, будто мне они по-прежнему нравятся, но на самом деле я сказал так лишь ради того, чтобы

вырваться из Олесунна. Когда ты больше не работаешь «в поле», а просиживаешь штаны в кабинете, такие «извиняльные» торты воспринимаются совсем иначе. Ты больше не печешь их, а только ешь, слушаешь рассказы и анализируешь, но сам никогда не участвуешь в событиях. Некоторые старики, давно перешедшие на офисную работу, тоже приносят такие торты, но это совсем уж глупость.

Я не пошел туда не потому, что больше не выхожу на оперативную работу. После случившегося я вообще людей с трудом переношу. Когда полицейские вместе лакомятся тортом, то непременно задают друг другу вопросы. Копаются в твоём прошлом, пытаются вынюхать, что происходит у тебя в голове. А я не собираюсь никому ничего рассказывать, ни слова о том, в чем они все равно не смыслят. Они думают, что подобрать ночью на улице «торчка» — это круто. И сокрушаются, если не удалось подкатить к какой-нибудь телочке. С такими невозможно говорить о том, каково это — потерять все, что для тебя хоть что-то значит, причем до того, как сам это осознал. Каково это — когда тебе пятьдесят пять, и с каждым годом ты отдаляешься от твоего ребенка все сильнее. Я опоздал. Все дальше в прошлое уходили воспоминания о людях, которых я не ценил, пока те были рядом, а в будущем меня ждет разве что смерть. Коллегам о таком не расскажешь — тогда я сразу заработаю репутацию мрачного зануды, угрюмо жующего торт. Нет, таким я из-за них не стану.

Единственное, что было в Олесунне и чего недостает мне тут, — это коллеги, знающие, где проходит моя внутренняя граница, которую нельзя нарушать. Когда я уезжал оттуда, то и не предполагал, что буду скучать. Сверре знает меня так давно, что пожелай я — и мы запросто восстановили бы былую дружбу; однако он

меня и не теребит особо. Такого понимания со стороны других мне до сих пор не хватает.

В животе заурчало, но я решил дождаться, когда народ в столовой разойдется. Чтобы убить время, заново включил видеозапись допроса девушки. Рассказывала она, наклонив голову и сложив руки на коленях. Из-за волос лица ее было не видно.

— Я его знала еще со школы. Он никогда прежде ко мне не лез, между нами ничего не было. В тот вечер, когда устроил тусу у себя дома, он ко мне вроде как полез, но не особо...

Дальше послышалось покашливание и мой собственный голос:

— Вы говорите, он к вам полез, — что именно он сделал?

Тишина.

— Он пытался говорить со мной про всякое... Интимное. И попытался меня поцеловать. Я не далась. Сказала, что не хочу, и тогда он отстал. Потом все вроде было в порядке. Он из тех парней, кого не боишься. Когда я заснула рядом с ним, то вообще ничего не боялась... — Девушка заплакала.

Я припомнил, как пододвинул к ней коробку салфеток.

— Расскажите, что было потом.

— Я уснула, а когда проснулась, он уже за меня взялся. Точнее, начал, когда я спала...

Опять вмешался мой голос:

— Понимаю, это сложно, но постарайтесь, по возможности, быть поточнее. Вы говорите, он за вас взялся. Что вы под этим подразумеваете?

Помню, какие чувства охватывали меня, когда я только начал работать и видел, как плачут такие девушки. Помню, как ненавидел насильника или на-